

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПО ПОВОДУ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В. А. МОЛОЧНИКОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 37

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения
1906–1910 гг. По поводу
заключения В. А.
Молочникова
(Весь Толстой в один клик)**

Содержание

Лев Николаевич Толстой По поводу заключения В. А. Молочникова (1908 г.)	0004
#2	0005
Предисловие к электронному изданию	0007
#4	0010
[ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В. А. МОЛОЧНИКОВА]	0011
Комментарии В. С. Спиридонова	0025
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ	0025
ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ	0026
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0029
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0047
Иллюстрации	0050

Лев Николаевич Толстой

По поводу заключения
В. А. Молочникова
(1908 г.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АБВУУ

Подготовлено на основе электронной ко-
пии 37-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толсто-
го, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Тол-
стого

доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к
37-му тому Полного собрания сочинений Л.Н.
Толстого включены в настоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напи-
шите нам*

info@tolstoy.ru

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

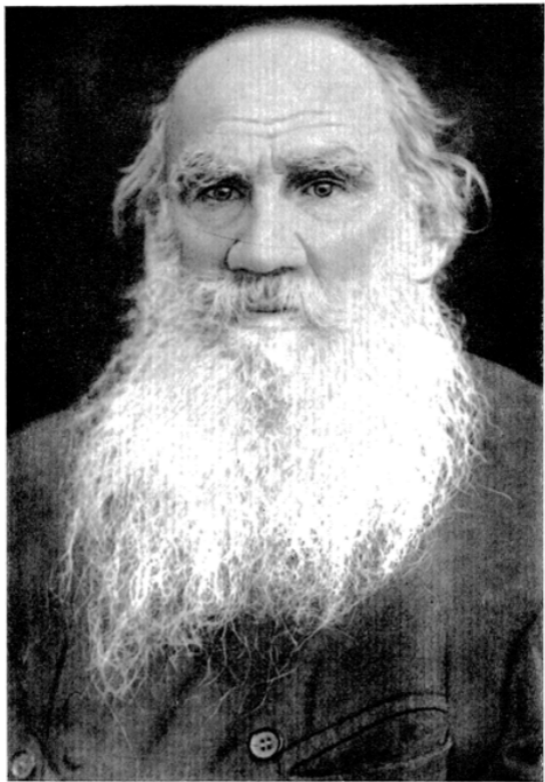
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

[ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В. А. МОЛОЧНИКОВА]

Нравственный закон так ясен, что нельзя людям отговариваться незнанием закона. Им остается одно: отречься от разума; они это и делают.

7 мая 1908 года живущий в Новгороде знакомый мой Вл. Молочников, под тем предлогом, что в его доме были найдены книги моего сочинения, был схвачен, судим и приговорен в крепость на 12 месяцев. Узнав про это, я написал в газету «Русь» следующее заявление:[1]

Опять схвачен в Новгороде всеми знающими его уважаемый, небогатый человек Вл. Молочников и заперт людьми, называющими себя судом, на год в тюрьму, что наверное разоряет его семью. И всё это за то, что он держал у себя мои сочинения и давал их людям, желающим прочесть их. Опять и опять совершается это удивительное дело: мучают и разоряют людей, распространяющих мои книги, и оставляют в покое меня, главного

виновника не только распространения, но и появления этих книг.

Ведь, казалось бы, ясно, что хватание людей, распространяющих мои книги, и сажание их по тюрьмам никак не может уменьшить, если он есть, интерес к моим книгам, так как книги, изданные в России и за границей, есть у меня в большом количестве, и я, составитель и главный распространитель этих книг, как я и заявлял об этом еще 15 лет тому назад, пока жив, не перестану составлять и распространять их. Людей же, считающих добрым делом распространение моих книг, становится всё больше и больше, и тем больше, чем больше их за это преследуют. И потому, казалось бы, ясно, что одно разумное средство прекратить то, что не нравится в моей деятельности, — это то, чтобы прекратить меня. Оставлять же меня и хватать и мучить распространителей не только возмутительно несправедливо, но еще и удивительно глупо.

Если же справедливо то, что придумал, как мне говорили, один министр для того, чтобы прекратить мою деятельность, именно то, чтобы, мучая близких мне людей, заставить

меня прекратить мою деятельность, то и этот прием никак не достигает цели. Не достигает потому, что как мне ни больны страдания моих друзей, я не могу, пока жив, прекратить эту мою деятельность; не могу потому, что, делая то, что делаю, я не ищу каких-либо внешних целей, а исполняю то, чего не могу не исполнять: требования воли бога, как я понимаю и не могу не понимать ее.

Так что одно не возмутительно несправедливое и не крайне глупое, что могут сделать люди, которым не нравятся мои книги, – это то, чтобы запереть, казнить, мучить не тех людей, которых много и которые всегда найдутся, а меня одного, виновника всего.

И пускай не думают, что, вследствие разговоров в газетах о каком-то моем юбилее, я воображаю себя обеспеченным от всякого рода насилий. Я в этом отношении никак не поддаюсь самообману и очень хорошо знаю, что все эти толки о необходимости празднования моего 80-летия при решительных против меня мерах правительства тотчас же заменятся для большинства моих чествователей признанием давнишней необходимости приня-

тия против меня тех мер, которые принимаются против моих друзей. «И давно, мол, пора поступить так».

И потому опять и опять прошу и советую всем, кому неприятно распространение моих писаний, взяться за меня, а не за ни в чем неповинных людей. Советую потому, что только этим путем они, кроме того, что перестанут ронять себя, делая явную несправедливость, и на деле достигнут своей цели освобождения себя хоть на время от одного из своих обличителей.

Кроме этого заявления, я, рассчитывая на то, что Молочников обжалует решение суда, просил двух знакомых адвокатов: Маклакова и Муравьева, взять на себя его защиту, что они мне и обещали, и просил о содействии в Сенате и знакомых мне сенаторов, и тоже мог надеяться на их содействие. Но Молочников, чтобы своим обращением к высшей инстанции не выразить признания права на насилие тех людей, которые совершили его над ним, отказался от всякого обжалования. Будучи же на некоторое время, вследствие внешнего за него друзьями залога, освобожден

от немедленного заключения, он, устроив, как мог, свои расстроенные дела и положение остающейся без опоры семьи, обратился к участникам совершаемого над ним насилия с очень удивившей их просьбой – не откладывать задуманное над ним дело, а привести его скорее в исполнение. Участники ответили, что всё будет сделано в свое время и по таким-то статьям книжки, называемой ими законом. По статьям этой же книжки те, кого я просил об этом деле, сообщили мне, что, хотя весьма вероятно, что при пересмотре дела заключение Молочникова в тюрьму на 12 месяцев было бы сведено к одному, срок обжалования пропущен, и что поэтому предположенное над Молочниковым насилие произведено будет.

В одно и то же время с этим известием я получил и копию с приговора над Молочниковым собрания людей, называющих себя Судебной палатой. Вот этот приговор:

«1908 года, мая 7 дня. По указу его императорского величества. С.-Петербургская Судеб-

ная палата, по I Угол. д-ту, в судебном заседании, в котором присутствовали: старший председатель сенатор....., члены палаты:....., тов. прокурора..... и об. пом. секретаря....., слушала: дело о старорусском мещанине Владимире Анфалове Молочникове, обв. по 2 ч. 132 ст. уг. ул. (Выпускаю имена лиц, участвовавших в этом деле, так как то, что я имею сказать, касается не личностей, о нравственном падении которых искренно сожалею и которых не желаю подвергнуть осуждению.)

Обвинительным актом прокурорского надзора старорусский мещанин Влад. Анф. Молочников предан суду С.-Петербургской Судебной палаты по обвинению в том, что в августе 1907 г., в целях распространения, хранил на квартире своей, в г. Новгороде, нижепоименованные брошюры Л. Н. Толстого, в которых, заведомо для подсудимого, изложены суждения, возбуждающие к неповиновению закону: 1) 62 экземпляра брошюры, под заглавием: «Как освободиться рабочему народу», в которой разъясняется, что трудящийся народ может только тогда хорошо устроить свою жизнь, если будет жить «по-божьи», то

есть жить по евангельским заповедям: никого не убивать, не ссориться, не распутничать, не клясться, не присягать ни на суде, ни на подданство царю, ни на солдатскую службу, не наказывать никого, не сажать в тюрьмы, не ссылать и не казнить, жить «по-божьи» – значит бояться и слушаться бога больше, чем исправника, губернатора, царя; когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога; 2) 28 экземпляров брошюры, под заглавием: «Христианство и воинская повинность», в которой проводится мысль, что истинному учению Христа противоречит общая воинская повинность, как обезличивающая человека и заставляющая его делать то, что запрещает делать христианство – убивать людей в защиту государства. «Ведь стоит только человеку очнуться от гипноза подражательности, в котором он живет, и трезво взглянуть на то, что от него требует государство, чтобы не то, что отказаться от повиновения, а прийти в страшное удивление и негодование, что к нему могут обращаться с такими требованиями, и

пробуждение это может совершиться каждую минуту»; 3) 15 экземпляров брошюры «Не убий», «Солдатская памятка», «Письмо к фельдфебелю», «Офицерская памятка» – в которой проводится мысль, что солдаты и офицеры должны отказаться от военной службы и не исполнять приказания начальства стрелять в народ, так как всякое убийство запрещено богом; 4) 10 экземпляров брошюры под заглавием: 1) «Приближение конца», 2) «Письмо к шведам», 3) «Карфаген должен быть разрушен», 4) «Письма крестьянина Ольховика», в каковой брошюре проводится мысль, что война и военная служба зло, не согласное с христианским учением, почему всякий здравомыслящий человек должен уклоняться от военной службы; 5) 6 экземпляров брошюры, под заглавием: «Одумайтесь», в которой, по поводу Русско-японской войны, говорится, что война ужасное дело, несогласное с разумом и христианским учением и что единственным средством уничтожения войн является пробуждение в каждом отдельном человеке сознания, что он не должен принимать участия в военной службе; 6) 6 экземпляров

брошюры, под заглавием: «Письмо к либералам», в которой проводится мысль, что государственная жизнь есть насилие одних людей над другими и что поэтому люди, желающие жить согласно с разумом и христианством, должны уклоняться от служения государству, то есть не принимать участия в гражданской и военной службе; 7) 10 экземпляров брошюры, под заглавием: «Николай Палкин», в которой доказывается, что грешно и нехорошо подчиняться власти и принимать участие в государственной жизни, и что военная служба грех, и что каждый разумный человек должен отказаться служить в войсках и быть участником убийства.

В судебном заседании подсудимый Молочников объяснил, что все найденные у него издания графа Л. Н. Толстого куплены им в магазине как последователем теорий, проводимых Толстым. Содержание всех изданий ему было известно, и куплены им были в значительном количестве экземпляров для раздачи тем, кто пожелал бы их читать и ознакомиться со взглядами Толстого. Считая обвинение доказанным собственным объяснением под-

судимого, Судебная палата находит, что Молочников изобличается в совершении преступного деяния, предусмотренного 2 ч. 132 ст. Угол. улож., и признает, что определенное в этой статье наказание, заключение в крепость на срок не более трех лет, должно быть по обстоятельствам дела назначено Молочникову в размере одного года. В силу изложенного Судебная палата ОПРЕДЕЛЯЕТ: Старорусского мещанина Владимира Анфалова МОЛОЧНИКОВА, 37 лет, на основании 2 ч. 132 ст. Угол. улож., заключить в крепость на один год. Вещественные доказательства уничтожить».

Читая приговор этот, не веришь своим глазам: всё кажется, что это вымышленная злая пародия. Но нет, это одно из тех важных дел, которые за большое вознаграждение составляются важными господами, называемыми сенаторами, судьями, прокурорами и т. п., составляются и вносятся в архив для хранения на память вечного позора и людей, составляющих их, и всего того общества людей, в ко-

тором возможны такие дела.

Ведь если люди, писавшие этот приговор, желали прекратить распространение считае-
мых ими вредными книг, казалось бы, совер-
шенно достаточно было сказать, что книги,
найденные у Молочникова, вредны, так как
направлены против существующего порядка,
и потому должны быть запрещены, и соста-
вители и распространители их должны быть
наказаны. Но им мало было этого: им, очевид-
но, хотелось, воспользовавшись этим случа-
ем, еще надругаться над всем тем, что всегда
считалось и считается священным большин-
ством человечества. И они смело и дерзко сде-
лали это, с особенным подчеркиванием вы-
ставляя свою полную независимость не толь-
ко от справедливости, во имя которой они су-
ществуют, но и от всяких каких бы то ни бы-
ло основ не только нравственных или рели-
гиозных, но и здравого смысла.

Безграмотный мужик может напиться, ва-
ляться в грязи, сквернословить, подраться,
разбить скулы приятеля, побить жену,
украсть лошадь, но не могу себе представить
во всей России такого мужика, который не

только в трезвом, но даже в пьяном виде решился бы сказать, что человек должен быть наказан за то, что он распространял книги, в которых сказано, что «трудящийся народ может только тогда хорошо устроить свою жизнь, если будет жить «по-божьи», то есть жить по евангельским заповедям: никого не убивать, не ссориться, не распутничать, не клясться», и что «жить по-божьи значит бояться и слушаться бога больше, чем исправника, губернатора, царя; когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога», и что всякое убийство запрещено богом.

А между тем то, что человек, распространявший такие мысли, должен быть за это наказан – это написано, скреплено печатями, подписано сенатором и в заголовке упомянуто, что всё это делается в 1908 году в России по указу его императорского величества.

Да, ничто убедительнее этого замечательного приговора не могло бы с такой ясной и полной убедительностью показать мыслящим людям всю не только беспринципность,

жестокость, безнравственность существующего государственного устройства, но всю ужасающую глупость его. Люди, старающиеся защитить это государственное устройство, не стараются даже и притворяться в том, что они верят во что-нибудь, что они хотят хоть казаться добрыми, что они считают обязательным для человека здравый смысл. Нет, эти люди, стоящие на высших ступенях общественной лестницы, ничего из этого не считают для себя не только обязательным, но не считают и подобие этого желательным. Если предшественники их еще считали нужным притворяться, теперешние уже находят это совершенно излишним: они знают, что то устройство, которое они поддерживают и которое нужно для их удобства жизни (для получения жалованья), держится на обмане и насилии, не имеющих ничего общего ни с религией, ни с нравственностью, ни с здравым смыслом, и что все это очень хорошо знают и что поэтому совершенно излишне притворяться. Можно при случае (как это делается в этом приговоре) под веселый час даже посмеяться над всеми этими ненужными уже нам

глупостями: о добре, нравственности, разуме.

Да, никогда ни одно из моих сочинений не показывало с такой яркостью и убедительностью всю жестокость, развращенность и губительность для души человеческой того государственного насильнического устройства, в котором мы живем, и всю ту ужасающую степень нравственного упадка, до которой доведены люди, участвующие в этом устройстве, и тем больше, чем выше они стоят на общественной лестнице, – ни одно из моих сочинений не показывает этого с той яркостью и несомненной убедительностью, с которой показывает этот удивительный приговор. И потому, думая, что для мыслящего человека приговор этот имеет большое, раскрывающее глаза значение, считаю нужным его обнародовать.

Лев Толстой.

1908. 14 июня.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

7 мая 1908 г. Петербургской судебной палатой был приговорен к одному году тюремного заключения за хранение и распространение запрещенных произведений Толстого его близкий знакомый В. А. Молочников. Толстой, узнав о приговоре, был возмущен им и решил предать это дело гласности. 13 мая он начал писать письмо в газеты, о чем и отметил в Дневнике 14 мая (см. т. 56, стр. 118). 18 мая письмо было закончено и послано в газету «Русь», где оно и было напечатано с цензурными сокращениями в № 40 от 22 мая 1908 г.

Однако вскоре, получив копию приговора, Толстой, уже не удовлетворенный написанным письмом по этому делу, начал писать статью, в которой пытался раскрыть смысл приговора. 10 июня Толстой записал в Дневнике: «Нынче... писал о Молочникове и приговоре» (т. 56, стр. 133). Работа над статьей

продолжалась до 14 июня. В последнюю редакцию статьи Толстой включил и свое письмо, напечатанное в газете «Русь» (с некоторыми изменениями), и приговор судебной палаты. Помещая в статье приговор, Толстой исключил из него имена судей и других участников суда.

Статья с цензурными сокращениями была напечатана в газете «Слово», № 520 от 27 июля 1908 г.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. 4°, сложенный пополам, 3 лл. почтового формата и 1 отрезок. *Начало:* «Опять приговорен, схвачен». *Конец:* «делая свое гадкое дело. Л. Т.» На обложке дата рукой Н.Н. Гусева: «13 / V 08». Первая редакция письма в газеты.

2. Машинописная копия рук. № 1 с исправлениями Толстого. 4 л. 4°. *Начало:* «Опять схвачен». *Конец:* «делал свое гадкое дело».

3. Машинописная копия рук. № 2 с многочисленными исправлениями Толстого. 3 лл. 4°. *Начало:* «Опять схвачен». *Конец:* «из своих обличителей». В конце рукописи дата, про-

ставленная рукой Н.Н. Гусева: «18 мая 1908». В этой редакции письмо было послано в газету «Русь».

4. Автограф. 7 лл. 4° *Начало*: «М. Г. г. ред. Очень обяжете меня». *Конец*: «<напечатание всего этого>». Под текстом дата Толстого: «1908. 10 июня». Первая черновая редакция статьи «По поводу заключения В. А. Молочникова».

5. Машинописная копия рук. № 4 с исправлениями Толстого. 8 лл. 4° и 1 л. 8° (последние 2 лл. 4° и 1 л. 8° – автографы). *Начало*: «Милостивый Государь г-н редактор! Очень обяжете меня». *Конец*: «раскрывающее глаза значение». Под текстом дата и подпись Толстого: «11 июня). Л. Т.».

6. Машинописная копия рук. № 5 с большими исправлениями Толстого. 7 лл. 4° и 1 л. почтового формата.

7. Машинописная копия рук. № 6 с исправлениями Толстого. 7 лл. 4°. В рукопись вложена машинописная копия письма в редакцию газеты «Русь», 2 лл. 4°, и машинописная копия приговора, 2 лл. 4° (бланк Н. К. Муравьева с датой: 5 июня 1908 г.). В тексте приговора Тол-

СТЫМ вычеркнуты имена всех, участвовавших в суде. *Начало:* «Нравственный закон». *Конец:* «его обнародовать».

В настоящем издании статья «По поводу заключения В. А. Молочникова» печатается по рук. № 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906—1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути — революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905—1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выражавшие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями.[2]

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861—1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе настроений широ-

чайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».[3]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душевных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неумолимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официозная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений».[4] Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо неустанно

«обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».[5] Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам.... и пишу не нечаянно, а сознательно...»[6] О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие».[7] Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власть имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кри-

зиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[8]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возраставшим стольпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца»[9].

Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители хри-

стианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опровергает обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый про-

тест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротивления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы

слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: «*Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством*». Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу мол-

чать» была так велика, что перекрывала места, выражавшие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выразалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо. [10] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его

известность как художника.[11]

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротивления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержа-

щую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».[12] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженъке,

всякое кокетничанье даже с боженькой...» – особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки».[13] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905—1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоре-

чия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».[14] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство.... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров».[15] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только

для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности».[16]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905—1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы».[17] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...»[18], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих

идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», ушедшую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках

лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г.
между стр. IV и V.

Примечания

Заявление это было напечатано с изменениями и исключениями.

[^^^]

2

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

[^^^]

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

Т. 54, стр. 52.

[^^^]

Т. 84, стр. 128.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т.15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

[^^^]

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

[^^^]

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

[^^^]

Т. 57, стр. 200.

[^^^]

Т. 57, стр. 82.

[^^^]

Т. 58, стр. 65.

[^^^]

Т. 55, стр. 62.

[^^^]

Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

[^^^]